

Бомбар. Ги де Мопассан

Симон Бомбар часто находил, что жизнь — довольно дрянная штука. Он от рождения был одарен невероятной способностью ничего не делать и неумеренной жадой следовать этому призванию. Всякое усилие, моральное или физическое, всякий шаг ради какого-нибудь дела казались ему невыполнимыми. Стоило ему услышать разговор на серьезную тему — и он сразу становился рассеянным, потому что его ум был неспособен к напряжению и даже к вниманию.

Он был сыном владельца модного магазина в Канне и до двадцати пяти лет прожил, не ведая ни трудов, ни забот, как говорили в его семье.

Но так как его родители всегда были ближе к разорению, чем к богатству, он ужасно страдал от безденежья.

Рослый, дородный, видный малый, с рыжими баками в нормандском вкусе, румяный, голубоглазый, глупый и веселый, с уже заметным брюшком, он одевался крикливо-элегантно, как провинциальный жуир. По всякому поводу он хохотал, кричал, жестикулировал, выставляя напоказ с самоуверенностью коммивояжера свою шумливую жизнерадостность. Он полагал, что жизнь создана исключительно для кутежей и забав, и, если ему приходилось обуздывать свою болтливую веселость, он впадал в какое-то сонливое одурение, но не был способен грустить.

Нужда в деньгах постоянно донимала его, и он частенько повторял фразу, которая стала знаменитой в кружке его знакомых.

— За десять тысяч фратаков ежегодного дохода я готов пойти в палачи.

Каждый год он ездил на две недели в Трувиль — «проводить сезон», по его выражению.

Он располагался у родственников, которые уступали ему комнату, и с первого дня прибытия до дня отъезда только и делал, что гулял по мосткам, настланным вдоль обширного песчаного пляжа.

Он выступал уверенным шагом, заложив руки в карманы или за спину, всегда в просторном костюме, светлом жилете и ярком галстуке, сдвинув шляпу набекрень и попыхивая дешевой сигарой, торчавшей в уголке рта.

Он шел, стараясь коснуться элегантных дам, меряя взглядом мужчин, с вызывающим видом молодца, всегда готового затеять драку, и он искал... искал... упорно искал.

Он искал женщину, уповая в этих поисках на свою наружность, на свои физические качества. Он говорил себе:

— Черт возьми! Среди такой кучи женщин, которые сюда ездят, найду же я наконец то, что мне надо!

И он искал с чутьем охотничьей собаки, с чутьем нормандца, в глубокой уверенности, что с первого же взгляда распознает ту, которая сделает его богатым.

Однажды, в понедельник утром, он пробормотал про себя:

— Вот-вот-вот!

Был великолепный день, один из тех июльских изжелта-синих дней, когда хочется сказать, что жара струится дождем. Обширный пляж, усеянный людьми, пестрел женскими туалетами и напоминал цветник, а рыбацьи лодки с бурыми парусами, почти неподвижные на синей воде, отражавшей их вверх ногами, казалось, дремали на солнышке, таком ярком в десять часов утра. Они стояли против деревянной набережной — одни близко, другие подальше, а иные совсем далеко, — не шевелясь, словно размлели в истоме летнего дня, словно им лень было выйти в открытое море или хотя бы вернуться в порт. А дальше, сквозь дымку, смутно виднелся берег Гавра с двумя белыми точками — маяками Сент-Адреса.

Он сказал себе: «Вот-вот-вот!», когда встретил ее в третий раз и почувствовал на себе ее взгляд, призывный взгляд зрелой, опытной и смелой женщины.

Он заметил ее еще в предыдущие дни, потому что и она, казалось, тоже кого-то искала. Это была англичанка, довольно высокая, немного сухопарая, одна из тех смелых англичанок, которых путешествия и обстоятельства превратили в своего рода мужчину. Впрочем, она была недурна собою, ходила уверенной, быстрой походкой, одевалась просто, скромно и только причесывалась смешно, как все англичанки. У нее были довольно красивые глаза, выступающие красноватые скулы и слишком длинные зубы, всегда на виду.

Дойдя до порта, он повернул обратно, надеясь встретить ее снова, а встретив, бросил ей пылкий взгляд, который говорил:

— Вот и я!

Но как завязать разговор?

Он прошелся в пятый раз, и когда они поравнялись, она уронила зонтик.

Он бросился за ним, поднял и подал ей:

— Разрешите, сударыня...

Она отвечала:

— Ао, вы ошен лубезен.

Они взглянули друг на друга, не зная, что еще сказать. Она покраснела.

Расхрабрившись, он произнес:

— Какая чудная погода!

Она прошептала:

— Ао, восхитителн!

Стоя в замешательстве друг против друга, они, однако, и не помышляли о том, чтобы расстаться. Она первая набралась смелости и спросила:

— Вы надолго в этой месте?

Он ответил с улыбкой:

— О да! На сколько захочу.

Потом внезапно предложил:

— Не хотите ли пройтись до мола? В такие дни там очень хорошо!

Она спокойно ответила:

— Оотно.

И они отправились рядом: она — уверенным, твердым шагом, он — раскачиваясь, как индюк, распутивший хвост.

Три месяца спустя, в одно прекрасное утро, каждый видный коммерсант города Канна получил в большом белом конверте письмо, гласившее:

«Г-н и г-жа Проспер Бомбар имеют честь известить Вас о предстоящем бракосочетании их сына г-на Симона Бомбара с вдовой г-жою Кэт Робертсон».

И на другой странице:

«Г-жа Кэт Робертсон, вдова, имеет честь известить Вас о предстоящем бракосочетании ее с г-ном Симоном Бомбаром».

Они поселились в Париже.

Состояние новобрачной давало пятнадцать тысяч франков годового дохода чистоганом. Симон пожелал получать четыреста франков в месяц на личные расходы. Ему пришлось доказать, что его супружеская нежность заслуживает такой жертвы; он с легкостью доказал это и получил просимое.

Первое время все шло прекрасно. Молодая г-жа Бомбар была, конечно, уже не первой молодости, и свежесть ее несколько поблекла; но у нее была такая манера предъявлять свои требования, которая делала отказ невозможным.

Она так повелительно и серьезно говорила со своим английским акцентом: «О, Симон, идом спат», — что Симон покорно шел к постели, словно пес, которому сказали: «Куш». И она так умела выражать любые свои желания, будь то днем или ночью, что всякое сопротивление бывало сломлено.

Она никогда не сердилась, не делала сцен, никогда не кричала, не проявляла ни раздражения, ни обиды, не показывала даже, что ее что-нибудь покорило. Но она умела сказать свое слово и говорила его всегда кстати, тоном, не допускавшим возражения.

Симону порой случалось колебаться, но всякий раз он вынужден был уступать властно и кратко высказанным желаниям этой оригинальной женщины.

Однако он находил супружеские лобзания однообразными и постными, а имея в кармане достаточно денег для того, чтобы покупать поцелуи более сочные, он вскоре стал лакомиться ими до пресыщения, хотя и принимал множество предосторожностей.

Госпожа Бомбар заметила это, но он не мог догадаться, каким образом. Однажды вечером она объявила, что наняла дом в Манте, где они и будут проживать.

Жизнь стала для Бомбара тяжелее. Он испробовал всякие развлечения, но они не могли заглушить в нем потребность в победах, столь милых его сердцу.

Он принялся удить рыбу, научился прекрасно различать глубину, которую любит пескарь, от той глубины, которую предпочитают карп или плотва, изучил берега, благоприятные для ловли леща, и разные приманки, соблазняющие разных рыб.

Но, когда он следил за тем, как вздрагивает поплавок на водной ряби, иные картины осаждали его ум.

Он подружился с правителем канцелярии супрефектуры, с жандармским капитаном; по вечерам они стали играть в вист в Коммерческом кафе; но пока его печальный взгляд раздевал тrefовую или бубновую даму, проблема отсутствующих ног у этих двуглавых фигур вносила путаницу в образы, порожденные его фантазией.

Тогда он придумал план, вполне достойный хитрого нормандца. Он заставил жену взять подходящую для него служанку — не какую-нибудь красивую девушку, кокетку и щеголиху, а здоровенную бабу, красную и коренастую, которая не возбуждала никаких подозрений и которую он тщательно подготовил к выполнению своего замысла.

Служанку нашел и рекомендовал им директор таможни, услужливый друг и соучастник, ручавшийся за нее во всех отношениях. И г-жа Бомбар доверчиво взяла сокровище, которое ей прислали.

Симон был счастлив, но счастье давалось ему ценой предосторожностей, страхов и невероятных трудностей.

Беспокойная бдительность супруги давала ему возможность урывать лишь изредка краткие мгновения, полные тревоги.

Он долго измышлял какую-нибудь уловку, военную хитрость и, наконец, нашел, и притом вполне удачную.

Госпожа Бомбар решительно ничего не делала и ложилась рано, а Бомбар играл по вечерам в вист в Коммерческом кафе и ежедневно возвращался домой точно в половине десятого. Он придумал, чтобы Викторина поджидала его в темноте, на ступеньках лестницы, между прихожей и коридором.

Он располагал самое большее пятью минутами, так как всегда опасался, что его застанут врасплох; но и пяти минут было достаточно для утоления его страсти; не щадя затрат на свои утехи, Симон совывал луддор в руку служанки, и она поспешно поднималась к себе на чердак.

Ловя на удочку уклек, он хохотал, торжествовал наедине и, подобно брадобрею царя Мидаса, громко повторял прибрежным камышам^[1]:

— Надули хозяйку!

И, право, счастье надуть г-жу Бомбар искупало в его глазах всю неполноту и несовершенство его оплаченной деньгами победы.

И вот однажды вечером он по обыкновению встретился с Викториной на ступеньках лестницы; но на этот раз она показалась ему живее, воодушевленнее обычного, и он пробыл в коридоре минут десять.

Когда он вошел в супружескую спальню, г-жи Бомбар там не было. Мороз пробежал у него по спине, и он тяжело опустился на стул в мучительном предчувствии беды.

Она появилась со свечою в руке.

Он с трепетом спросил:

— Ты выходила?

Она спокойно ответила:

— Я ходил в кухон пит стакан вода.

Он постарался рассеять подозрения, которые могли у нее возникнуть; но она казалась спокойной, счастливой, доверчивой, и его тревога улеглась.

На следующее утро они вышли к завтраку в столовую, и Викторина подала на стол котлеты.

Когда она поставила блюдо и выпрямилась, г-жа Бомбар протянула ей золотой, осторожно держа его двумя пальцами, и сказала своим спокойным, серьезным тоном:

— Вот, мой милая, двадцать франк, которых я вас лишил вчера вечер. Я их вам отдавал.

Оторопевшая девушка взяла золотой, глядя на него с глупым видом, а Бомбар в полной растерянности вытаращил глаза на жену.

Примечания

Напечатано в "Жиль Блас" 28 октября 1884 года.

1 ...подобно брадобрею царя Мидаса, громко повторял прибрежным камышам... — Мифический царь Фригии Мидас прогневал Аполлона, и тот наделил его в наказание ослиными ушами. Мидас скрывал случившееся, но брадобрей царя узнал его тайну. Не в силах сохранить ее, брадобрей вырыл в песке ямку, шепнул в нее об ослиных ушах Мидаса и засыпал ямку песком. Но на месте ямки вырос тростник, и, когда его колыхал ветер, он шептал прохожим: «У царя Мидаса ослиные уши».